

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor - Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

Monroe 4219, Dep. 10

Buenos Aires (30)

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión N° 4233

Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXVI

Buenos Aires, martes 16 de julio de 1974

Буэнос Айрес, вторник 16 июля 1974

№ 1272

ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ СОЛЖЕНИЦЫНА КОМПАНИИ СИ-БИ-ЭС

Сегодня "Наша Страна" знакомит своих читателей с первой частью полученного нами полного русского текста интервью, которое А. И. Солженицын дал 17-го июня сего года комментатору американской телевизионной компании Си-Би-Эс Уолтеру Кронкайту и которое 24-го июня было передано по каналам телевидения Соединенных Штатов Америки. Это по сути дела первое большое интервью, которое Солженицын дал после его высылки из Советского Союза. Продолжение будет воспроизведено в следующем номере "Нашей Страны".

После 4-х месяцев в Западной Европе пересмотрели ли Вы какие-то из Ваших мнений о Западном мире, сформировавшихся ранее в Советском Союзе?

Четыре месяца, это, конечно, срок вообще небольшой, а особенно при моем образе жизни: я не езжу, мало встречаюсь, я стараюсь наладить свою работу. Так что опыт у меня еще короткий в Западной Европе. Но должен сказать, — нет, основные мои представления, как они сложились в Советском Союзе, так они и остались. Более того, я смел бы сказать, что мой взгляд выработался не индивидуально, это не мой только взгляд оттуда, он — и многих людей, находящихся в Советском Союзе и, знаете, даже шире — в Восточной Европе. Такая ситуация сложилась, которая не была веками: жители Восточной Европы — русские, венгры, поляки, чехи, литовцы, немцы, румыны — теперь, в результате одинакового опыта, одинакового испытанного угнетения, имеют какие-то общие взгляды, общие воззрения на то, что делается в мире, и в частности, на Западе. И я должен сказать, что я не раз уже встречал совпадение своих собственных взглядов со взглядами многих восточноевропейцев. И может быть, вот этот диалог: Восточная Европа — Западная Европа, как-то упускается. Мне кажется, что исключительно полезно было бы Западу прислушиваться к слитному голосу Восточной Европы, ибо вся Восточная Европа вместе может сказать очень много важного и полезного.

Вы можете сказать, что жизнь на Западе — такая, какой Вы ожидали ее увидеть?

Да. В общем, мне кажется, я так и представлял себе западную жизнь.

Испытываете ли Вы трудности в Вашей работе в изгнании по сравнению с тем, как Вам работалось в Советском Союзе?

Еще месяца два назад я не мог бы Вам уверенно ответить, не мог бы сказать, как пойдет, но сейчас я могу с облегчением и радостью сказать, что работа моя здесь идет совершенно так же, как в России, с теми же привычками, на том же уровне, в том же темпе. Я сейчас работаю совершенно нормально. И это главное содержание моей жизни сейчас.

Ваша жизнь в Советском Союзе, по-видимому, была трудна во многих отношениях. То, что Вы оказались теперь на свободе, меняет ли как-то образ Вашей работы?

Вы знаете, я никогда не работал в Советском Союзе скованно. Давление, которое было вокруг меня, это давление было на мою жизнь, но не на мою работу. Я начал серьезно работать в лагере, в 48-ом году. Это значит, 25 лет назад. И вот все эти 25 лет я работал внутренне совершенно свободно. Когда я сижу над листом бумаги и пишу — нет никакой разницы: то, что я делал в лагере, то, что я делал в ссылке, в Советском Союзе вообще, и сегодня. Разница, может быть, другая, что там я должен был каждый день думать: вот это, что напишу, куда я должен спрятать? А вдруг ночью придут? А тут я спокойно — написал, положил, и спать ложусь.

Над чем Вы работаете сейчас?

Видите, не только сейчас, я собственно, всю жизнь работаю над одним: написать историю русской революции. С 36-го года, этому уже сорок лет, работе этой. Но меня все время что-то отвлекало и мешало, перебивало мне работу. Я и сейчас работаю над своими Узлами, очередным Узлом III-м, кончаю II-ой Узел. Это моя главная работа. Если бы сегодня в нашей стране не было бы режима постоянного угнетения, не страдали бы каждый день люди, не уничтожали бы за инакомыслие, и если бы эта система не старалась распространиться на весь земной шар, то я бы мог себе разрешить вообще не писать публицистических статей, не давать интервью, никаких общественных выступлений, а только писать мою работу. Но вот горькая необходимость. Мне моей жизни всей, вероятно, не хватит кончить мою работу, я так думаю. Так что надо было бы заниматься одною ею. Вообще из-за угнетенности и секретности моего положения в Советском Союзе у меня создался изрядный запас вещей уже написанных, но еще не напечатанных. Сейчас я буду более усиленно, чем раньше, публиковать. И работать, по возможности, над своей главной работой.

Что Вы намерены опубликовать?

Ну, вот сейчас в вашей стране, в Англии, во Франции, в Италии, в Испании выходит «Архипелаг», первый том. Во Франции на русском языке уже вышел второй том. Этот разрыв, конечно, не

хорош, но так получилось, что все переводы на главные языки второго тома будут только, ну, когда? — к концу года этого. И пластинку я выпустил сейчас с поэмой «Прусские ночи». Это поэма о нашем наступлении по Германии в Восточной Пруссии, в 45-ом году. Меня судьба странным образом связала с Восточной Пруссией, вот у меня был замесел Самсоновской операции в Восточной Пруссии, и во время войны я тоже попал туда, в Восточную Пруссию. Эту ленту я записал еще в России, много лет назад, это не так просто там сделать: надо искать, в каком помещении, у себя дома нельзя, как у нас говорится — «потолки», т. е. подслушивание, и не у каждого друга тоже, у них тоже подслушивание. Не так просто было эту пленку и вывезти: вот сейчас, например, моя жена везла другие пленки наши, с моими некоторыми записями, отрывки из «Ракетного корпуса», некоторые мои рассказы, семейные записи, дети разговаривают, она везла просто с собой, и было официальное заявление советских органов, что все будет выпущено, без всяких затруднений. Приезжаем, обнаружили: на советской таможне в одну минуту все записи уничтожены, в чемодане лежат пустые пленки. Так что если бы пленка с поэмой шла таким путем, она бы тоже пропала. Потом, я сейчас хочу поставить фильм по своему сценарию, «Знают истину танки». Единственный мой оригинальный киносценарий, уже готовый для киносъемки. «Знают истину танки» — это некоторые истолковываю как фронтовой сюжет. Нет. Это рас-

сказ о том, как, уже после смерти Сталина, в Особых лагерях, танки, воинские подразделения Советской Армии давили восстание безоружных заключенных. «Знают истину танки» — два смысла имеет: только танки могут рассказать, как это было, и — танки так самодовольны и так самоуверены, они всегда думают, что знают истину, что они-то правы, танки.

Потом будет ряд отдельных публикаций, регулярно, в каждом номере журнала Русского Христианского Движения, в Париже, главный редактор — Никита Струве. Ну, вот это из того, что ближайшее.

Насколько трудно Вашей семье привыкнуть к новой жизни?

Конечно, трудно. Для тех, кто никогда не собирался покидать родину, привыкнуть очень трудно. Но мы и не настроены привыкать. Мы заняты работой. Я по горло занят работой, жена помогает мне, а впереди у нас цель — возврат в Россию, чувствуем себя повседневно связанными с ней, и поэтому, собственно, привыкать по-настоящему и не хотим, мы верим, что вернемся. И для этого работаем.

Когда?

Ах, когда? К сожалению, люди никогда не могут этого предсказать.

Для этого надо было бы, чтобы произошли изменения в политической системе, в нынешнем правительстве?

Я бы даже сказал, для меня — простой ключ: настолько изменилась бы система, чтобы весь «Архипелаг ГУЛаг» можно было напечатать свободно, широко, в России. Не так обманно, как у нас умеют печатать, напечатать маленький тираж, продадут в Москве, иностранным корреспондентам, на Запад пошлют — и известие «опубликовали Булгакова». На самом деле никто этой книжки не видел, — опубликовали! Нет, не так, а так, чтоб в любом русском магазине можно было купить «Архипелаг ГУЛаг».

Значит, в тот день, когда Ваши книги будут свободно продаваться в книжных лавках Советского Союза, — Вы сможете вернуться?

В этот момент я мог бы быть полезен там, я мог бы быть действительно к месту, да.

Иначе, не была бы обеспечена Ваша безопасность?

Нет, ну, видите, я там был до последнего дня, и я никогда бы сам не уехал, я не собирался уезжать. Более того, если б я заботился о своей безопасности, я бы не осмелился напечатать «Архипелаг», находясь в Советском Союзе. Я понимал, ЧТО значит для меня напечатать «Архипелаг» — или просто смерть, или смерть через тюрьму, и ничего другого. Но к этой судьбе я был готов, — как Бог даст. И так оно, собственно, и было: арестовали меня и предъявили «измену родине», которая дает высшую меру — расстрел, так что мне в первый же вечер ареста предъявили расстрел. Нет, я к этому был готов, иначе нельзя было выйти из положения: уезжать нельзя и бесконечно держать «Архипелаг» — тоже нельзя. «Архипелаг» надо

17 июля
1918

17 июля
1974

Завет покойного Государя русскому народу

"С твердой верою в милость Божию и с непоколебимою уверенностью в конечной победе, будем исполнять наш святой долг защиты родины до конца и не посрамим земли русской".

НИКОЛАЙ

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ НА РОДИНЕ

506. ПОЕЗДКА НИКСОНА В СССР — ГОЛОДОВКА АКАДЕМИКА САХАРОВА — СРЫВ ЕВРЕЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В МОСКВЕ — «ВЫБИРАЮТ СВОБОДУ» ЛУЧШИЕ РАБОТНИКИ РУССКОЙ СЦЕНЫ И МУЗЫКИ

После сведений о текстах подписанных в Москве соглашений Никсона с кремлевскими хозяевами, считаю нужным отметить общую неудачу всей его поездки в сопровождении жены и Киссингера. На этот раз они оба предупредили не ждать от этой поездки сенсационных результатов, а только видеть в ней серьезный шаг к запрещению подземных термоядерных испытаний и ограничению гонки вооружений, а кроме того заключения о финансово-технической помощи американских предпринимателей в разработке естественных богатств Сибири и поисков новых нефтяных месторождений на этой обширной еще необследованной геологической разведкой СССР территории.

Брежнев с Подгорным и Косыгиным встретили вождей гостей на аэродроме и начали сразу переговоры, о ходе которых журналисты мало что смогли узнать.

Первый инцидент произошел с текстом заздравного приветствия Никсона: он говорил о том, что с каждой встречей растут взаимные личные связи, имея ввиду растущую личную его дружбу с Брежневым, но советская печать пере-

ла эти слова «наши связи», что надо понимать, как связи двух правительств независимо от того, кто стоит во главе обеих великих «сверхдержав».

Этим подчеркивалось, что связи могут расти, если Никсону придется покинуть свой пост и пойти под суд по связанным с Уотергейтским скандалом разоблачениям. Начатые в Кремле переговоры продолжались на загородной даче, причем в перерывах по саду перед стоящими за решеткой журналистами гулял Брежнев с Никсоном, а сзади в 20 метрах следовали Киссингер с Громыко, которых собеседники могли в любой момент подловить. На вопрос, как идут переговоры? Киссингер шутливо ответил: «могу о них судить с расстояния 20-ти метров».

Переговоры упирались в нежелание Брежнева допустить какой-либо контроль в СССР при ограничении вооружения.

В Минске Никсона повезли в село Хатынь (не смешивать с Катынью под Смоленском, где в 1940 году Сталин устроил бойню 12 тысяч польских офицеров), где якобы перед отступлением в 1944 году немцы перебили все население за укрывательство советских партизан.

было печатать. Так что я клал голову под топор. Но вот обошлось. Пока.

Читаете ли Вы западные газеты?

Все свободное время я занят чтением для моего романа, исторического. Исторический роман требует такого количества чтения — ведь это эпоха, пропущенная в нашей стране. Трудно представить, но вот об этой эпохе, о 14-м, 15-м, 18-м, 20-м годах, у нас в стране знают меньше, чем о пушкинском времени, о Екатерине Второй. Но это надо много читать, поэтому для чтения западной прессы у меня времени мало, я иногда читал вырезки, которые мне давали. Да и что к нам попадает? У нас же цензура все задерживает. Вот радио я слушал западное на русском языке. Конечно, мои сведения поэтому ограничены, ясно. Я не могу читать столько, сколько читаете вы здесь, да и языки надо знать хорошо.

Хотелось бы знать Ваше мнение о западных средствах получать и передавать информацию, как оно сложилось после Вашей высылки.

Ну, что сказать? Надо сразу сказать: западная пресса помогла мне, Сахарову, всем нам выстоять годами, а особенно помогла в августе-сентябре прошлого года. Так что, я, конечно, могу быть западной прессе только благодарен. Но свежими глазами иногда можно увидеть то, чего люди, живущие постоянно — не видят. Вот, я с этим кусочком хлеба, из Лефортово, из последнего недоеденного лефортовского обеда, внезапно приезжаю в Западную Европу, еще три часа назад я ожидал расстрела, 3 часа назад. Вдруг мне объявляют, что я высылкаюсь, — куда? — и неожиданно во Франкфурте на Майне высаживают. И почти с этого момента начинается штурм, западная пресса обрушивается на меня. Я еще не могу в голове вместить того, что произошло, я сотрясен происшедшим, я не имею расположения что-либо заявлять. А они требуют, чтоб у высказывался, будто я приехал с готовыми высказываниями. Я нахожусь на единственную фразу, что я «достаточно говорил в Советском Союзе, а теперь помолчу». Но вот день за днем пресса от меня не отстает, она преследует меня всюду: дежурят около дома Бёлля, потом около дома адвоката, в осаде я нахожусь. Хочу выйти, хоть подышать, хоть ночью, когда никого нет. Выхожу на задний балкон, где корреспондентов нет — вдруг два прожектора, вот таких вот прожектора на меня и фотографируют, ночью! Я иду со спутниками, разговариваю, подсовывают микрофон, несколько микрофонов, узнать — ЧТО я говорю своим спутникам? и передать своим агентствам. — Ну, я в такую минуту раздосадовался, говорю: «да вы хуже кагэбистов!» — подхватили! первое высказывание: Солженицын приехал на Запад и заявил: «Западная пресса хуже КГБ», как буд-

то я собрал пресс-конференцию и так заявил. Я думал, скажу: «господа, поймите, я сейчас не в состоянии с вами разговаривать, дайте мне отдышаться, я хочу побыть один», — и оставят в покое. Нет! И это потом продолжалось долго, когда я ездил в Норвегию, когда вернулся, когда приехала моя семья, семья приехала бессонная, измученная — нет, позируйте, выходите, позируйте нам! Отказались. Тогда прорвались тут, вокруг нашего дома, топчут все, что соседни насадили, как стадо бизонов — что-нибудь снять. Им говорю: «ну, почему так? Раз я вас прошу: я сейчас не буду говорить, пожалуйста, оставьте нас». Отвечают, милые молодые люди, откровенно: «никак не можем. Нам приказано, если мы не выполним, нас уволят». Знаете, вот это очень скользкая, опасная формулировка: если я не выполню — меня уволят. Так это сейчас любой угнетатель в Советском Союзе скажет: а я выполняю приказ, а если я не выполню — меня уволят. Видите, каждая профессия, если она начинает разрушать нравственные нормы жизни, должна сама себя ограничить. Действительно, западную прессу здесь не связывает, не останавливает, ничто, никакая полиция, ни власти. Ну, тогда надо ограничить самих себя. Надо сказать: вот тут есть порок, нравственный, вот сейчас нужно отказаться. Всякие достоинства, если предела им не поставить, если не ограничить, переходят в недостатки.

Хорошо. Можно было бы даже восхититься: как западная пресса в натиске таком, добыть истину, ничего не жалеет: ни себя, ни других, ну, как военные корреспонденты, лезут под самый обстрел, пусть меня убьют, но я сейчас сфотографирую и что-то такое сообщу. Но вот странное явление: оказывается, западная пресса далеко не всегда так необузданно стремится к истине. Я наблюдал эту же самую прессу у нас в Москве, да так и везде в Восточной Европе, и в Китае особенно. Вот поразительно: там западная пресса совершенно меняется. К счастью не все, есть замечательные исключения, есть великолепные корреспонденты, которые себя не щадят, так их обычно и высылают. А большинство? — А большинство вдруг становится такими скромными, такими осторожными, такими осмотрительными. Здесь, на Западе, они могут президента тряссти, сенат, военные секреты, военное министерство, — все они разнесут, ТАМ — последний болгарский полицейский говорит: «стоп, вот эту церковь не снимать». — «Хорошо, не буду снимать».

Хун Вей Бин вывешивает листовку на стене для своих китайцев, подходит корреспондент читать, и Хун Вей Бин, сопливый мальчишка, говорит: «не читать, это не для вас!» Корреспондент поворачивается и уходит. Позвольте, что ж это? Зачем же такая разница? Вот

Уцелел лишь один пожилой колхозник, который теперь в свои 80 лет служит при воздвигнутом памятнике и рассказывает посетителям эту историю. Никсон ее выслушал и расписался в книге почетных посетителей, что запечатали иностранные журналисты.

Я сам спутал бы, как они, Хатынь с Катынью, если бы не встретил на даче симпатичного минского инженера, прибывшего месяц назад для оформления выезда в США. Отмечу заодно самое интересное из его рассказа: все население Минска говорит исключительно по русски, белорусский язык сохранен лишь в колхозах среди пожилых крестьян. Он сам кончил в Минске политехнический институт, где в университете, преподавание идет по русски. Но белорусски преподают лишь в Педагогическом Институте, который готовит в основном преподавателей сельских школ, где также преподается язык, как и все предметы по белорусски. Впрочем молодежь знает русский язык принятый повсеместно в вооруженных силах и в промышленности.

Переговоры несомненно затруднял американский сенатор-демократ Джексон, который все дни пребывания Никсона в СССР выступал с резкой критикой политики уступок президента советским требованиям. Особенно он атаковал соглашение о технической помощи, указывая, насколько невыгодно Соединенным Штатам создавать в Сибири мощную нефтедобывающую и нефтеперерабатывающую промышленность, которая будет конкурировать с другими поставщиками нефти на мировом рынке. Джексон подчеркивал, что Никсон ничего не

делает для усиления военного потенциала Китая, который угрожал бы СССР и тем сдерживал бы агрессивные выступления СССР на Западе и на Ближнем Востоке, что больше соответствовало бы интересам безопасности Западной Европы и самих Соединенных Штатов.

Перед приездом Никсона были намечены советской оппозицией три антисоветских демонстраций: ряд выступлений в Москве с подачей Никсону протеста против задержек в СССР желающих покинуть страну евреев и затем совместная конференция американских ученых с советскими еврейскими научными работниками, уволенными из научных институтов после подачи заявлений о выезде в Израиль. Но самым сенсационным выступлением была голодовка академика Сахарова за всю неделю пребывания Никсона в СССР.

Осведомленное КГБ приняло свои меры: перед приездом были арестованы все активные оппозиционеры, которые должны были добиваться свидания с Никсоном, одновременно были арестованы инициаторы научной конференции американско-советской конференции физики Александр Лунц, Михаил Гольдблат и Александр Воронель, отправленные в Серпуховскую тюрьму, а американским евреям было отказано в визе и они не смогли приехать.

Состоялась лишь третья демонстрация: академик Сахаров пригласил иностранных журналистов, которым сообщил, что начинает голодовку с требованием выпуска политических заключенных. Но Ник-

Амальрик незадолго перед своим арестом написал небольшую статью о том, как ведут себя иностранные корреспонденты в Москве, я очень рекомендую прочесть. Могу добавить свой опыт, небольшой, но собственный. В 67-ом году пишу письмо съезду писателей. Оно появляется в газете «Монд», в Париже. Московский корреспондент «Монд» разворачивает газету, свою собственную газету, и видит мое письмо там. Что естественно испытать корреспонденту? Радоваться, что это помещено, жалеть, что не он сделал. Корреспондент «Монд» в 67-м году ПОБЛЕДНЕЛ и сказал: «Какой ужас! Подумают, что это я передал, меня вышлют из Москвы!» Еще один корреспондент уважаемой немецкой газеты, не буду называть, — я ответил на статью в «Штерне», передал ему, чтоб он опубликовал, — а он побоялся: а вдруг советские власти вышлют? Но посмотрите, тут уже мы выходим за пределы прессы, это гораздо шире вопрос: вот мы, советские люди — мы рабы по рождению, мы рождены в рабстве, нам очень трудно освободиться, но каким-то порывом мы пытаемся подняться. А вот приезжает независимый западный человек, привыкший к полной свободе, — и вдруг мгновенно, без необходимости без подлинной опасности, усваивает дух подчинения и становится добровольно рабом. Вот это страшно. Когда задают вопрос: «да как это может быть, неужели свободные народы, попав под угнетение, вот как Восточная Европа, могут так быстро стать в рабское положение?» Конечно. Если свободный корреспондент, который ничем не рискует, кроме того, что ему разобьют ветровое стекло машины, или вышлют из Москвы, ведет себя рабски? — конечно. Но отсюда другой страшный вывод: две стороны земли по разному освещены, ну, так, как вот солнце освещает: половина земли всегда под солнцем, а половина земля — ночь, в тени. Вот так и информация освещает наш земной шар. Половина земли, Запад, — под ярким солнцем, видно все насквозь, обо всем сообщает западная пресса, западные парламентарии, любой общественный деятель, сами государственные деятели отчитываются, — и советская, китайская, восточно-европейская разведка тоже прослушивает и проходит Запад насквозь, она видит все, что хочет, очень легко, она знает, что ее разведчикам, даже ничего не грозит на Западе. Почему я, допустим, мог там, у себя, составить какое-то мнение о Западе, и вот, оно, вроде, не ошибочно? — да потому что Запад весь освещен, о Западе все решительно напечатано, написано, говорится. И почему советологи, так называемые, почему они с таким трудом, и все время ошибочно судят о Востоке? Потому что Восток погружен в темноту. О Востоке западная пресса, которая туда приезжает, не дает сколько-нибудь

серьезной информации. Если бы каждый корреспондент говорил так: я голову свою положу, пусть мне голову отрубят, но я одно известие, точное, важное, сообщу. Тогда хоть иногда бы что-то важное проходило. Но если каждый, почти каждый корреспондент боится и опасается, если почти каждый корреспондент дает поверхностные, скудные вещи, сидит, обрабатывает советскую прессу, из нее кое-что возьмет, на поверхности, а иногда и прямой обман, — откуда иметь информацию о Востоке? Еще можно было бы от нашей прессы? — ну, тут смешно говорить. Наш парламент? — смешно говорить. Были бы в нашей стране свободные общественные дискуссии — так они и задушиваются у нас в первую очередь.

Вы критикуете манеру и поведение западной прессы, но Вы не хотите этим сказать, что Вам не нравится система свободы прессы?

Не только не критикую систему свободы прессы, наоборот, я считаю это величайшим благом, что она такая на Западе. Но я вот о чем: с одной стороны — не только пресса, но и всякая профессия, но и всякий человек должен уметь пользоваться своей свободой, и сам себе находить остановку, нравственный предел. А с другой стороны, я настаиваю, что если пресса имеет такую свободу на Западе, то она должна отстаивать свою свободу, когда попадает на Восток. Какие бы на Востоке условия ни были, но если пресса привыкла к свободе, — осуществляйте свободу и там. Тогда не будет таких поверхностных суждений, не будет так трудно объяснять советские поступки или предсказывать их, а почти всегда ошибаются в предсказаниях, придумывают какие-то невероятные объяснения, будто бы в Кремле идет борьба «правых и левых», и вот этой борьбой все объясняют. Когда Сахарова и меня травили, и вдруг кончили, в один день как оборвало, многие на Западе написали: «почему остановилась травля? — Загадка! Это, неверно, борьба правых и левых». И не скажут самого простого: что ИСПУГАЛИСЬ в ЦК и «правые» и «левые», а их и нет там никаких правых и левых. И никакой загадки нет. Западная пресса вместе с нами, западная общественность вместе с нами — мы вот стали ТАК крепко, — и струсили просто в ЦК, струсили и отступили. И так они всякий раз отступают перед всеобщей единой твердостью.

Вероятно когда Вы писали «Архипелаг» и Ваши другие вещи, Вы хотели, чтобы Запад узнал эту правду?

Я не могу сказать, что я писал свои вещи для того, чтобы «открыть Западу глаза на Восток». Я прежде всего все вещи писал для своего собственного народа, для русских, потому, что мы сами свою историю не знаем, вот что страшно, — не только Запад не знает нашей истории, мы сами свою историю поте-

сон не обратил никакого внимания на эту голодовку, о ходе которой сообщали иностранные журналисты, которые впрочем гораздо больше интересовались переговорами между Никсоном и Брежневым, чем голодовкой академика Сахарова — безопаснее. Все, о чем пишу выше, гораздо более важно для американцев, чем голодовка русского ученого, который всегда безуспешно протестует и более высокого о себе мнения, чем Никсон или неразлучный с ним Киссинджер.

Все же иностранные журналисты не успокоились и на второй день голодовки решили обратиться к заведующему отделом печати министерства иностранных дел Льву Михайловичу Замятину, который осведомляет их ежедневно о всех передвижениях, приемах и банкетах советских вождей с Никсоном. Он остроумно им ответил, что американских гостей, работающих над сближением между СССР и США вовсе не интересует поведение академика Сахарова и объявленная им голодовка, но советское правительство очень ценит былые заслуги академика Сахарова по созданию советской водородной бомбы, которая подняла престиж Советского Союза и заставляет с ним считаться иностранные державы (намек на США, добивающихся соглашения об ограничении тех вооружений, которые создал Сахаров), а потому может позволить ему такие поступки, которые не потерпело бы от других мелких фигур. После отлета Никсона, журналисты снова навестили Сахарова, который сказал, что чувствует слабость и головокружение, но намерен продолжать голодовку, чтоб испытать силу и выносливость своего организма. Он добавил, что его очень огорчает, что Ник-

сон не обратил никакого внимания на его голодовку, к которой примкнули некоторые другие его друзья. 4-го июля по настоянию врачей Сахаров прекратил голодовку, потеряв 9 кило веса при опасном падении кровяного давления.

Я лично считаю, что можно быть великим физиком, но наивным политиком: неужели он воображал, что его жизнью и здоровьем дорожат американцы, против которых он создал эту советскую водородную бомбу, которую они пытаются обезвредить путем соглашения с советскими вождями, дружба с которыми поднимает авторитет запачканного Уотергейтским скандалом Никсона? Я вообще враг всяких голодовок, которые портят здоровье людей покрепче и моложе академика Сахарова. Наблюдал в свое время в тюрьме и концлагере несколько голодовок, от которых я всегда пытался отговаривать своих сокамерников, объясняя, что, портя собственное здоровье, они играют в руку нашим общим врагам и угнетателям. Если Сахаров расшатывает свое здоровье, то это только порадует брежневскую клику и нанесет удар той оппозиции, которую он сейчас возглавляет. Могу добавить, что немедленно после вылета из Москвы Никсона были в Серпухове выпущены из тюрьмы все арестованные евреи, о чем сообщили иностранным журналистам.

30-го июня в Торонто скрылся знаменитый советский танцовщик Ленинградского театра Кирова 26-тилетний Михаил Барышников. Во время турне балета Московского Большого театра в Лондоне прикомандированный к московскому балету на эту поездку Михаил Барыш-

ников сумел познакомиться с американкой Христианой Берлин, отец которой служил много лет у Херста, отца удравшей с бандитами Патриции Херст, которая продолжает скриваться. Христиана последовала за советским балетом из Великобритании в Канаду, где неоднократно виделась с Барышниковым.

В Англии балет подвергался антисоветским манифестациям сионистов, что вызвало резкую статью «Комсомольской Правды», в которой утверждается, что хулиганские выходки сионистов не только нервнируют балет, но и угрожают жизни и здоровью артистов, которые могут выступать только в спокойной обстановке. Советская газета грозит, что в будущем балет может отказаться от гастролей, если враждебные выходки будут повторяться.

По прибытии в Торонто состоялось выступление балета, в котором в главной роли выступал Барышников. Но по возвращении в гостиницу заметили его отсутствие. Руководители балета партийный еврей Давид Бинес перед отъездом в Ванкувер, где им предстоял новый спектакль заявил властям. «Мы не знаем, что с Барышниковым. Полиция не знает ли, где он? Не знаем по каким причинам он покинул товарищей по балету: болен ли он или дезертировал?»

Это был лучший исполнитель классического балета. Канадские власти сообщили, что пока он не объявился и не просит политического убежища, в чем ему не будет отказано. Но, повидимому, он вместе с исчезнувшей из другой гостиницы Христианой Берлин скрывается где-то в самом Торонто, пока советский балет не уедет в Ванкувер.

Всем подсоветским работникам бале-

та известны громкие успехи Рудольфа Нуреева и Натальи Макаровой, которые гастролируют в самых лучших театрах Запады и пользуются огромным и заслуженным успехом и материально лучше обставлены, нежели работники балетов театра Кирова в Ленинграде (бывшего Маринского) или Большого театра в Москве.

По этому поводу мне вспомнилось предсказание, которое я слышал год тому назад от советского танцовщика Минца: если советский балет будет гастролировать на Западе, то постепенно уйдут все лучшие артисты. Уже его покинули еврей Минц и Панов (последний с русской женой, танцовщицей кордебалета) и двое русских балетных «звезд»: Наталья Макарова и Михаил Барышников.

В день бегства Барышникова в Торонто заявил о нежелании вернуться на родину в Брюсселе известный русский пианист Валерий Афанасьев, получивший на международном конгрессе 1972 года в Лондоне Премии имени королевы Елизаветы. О предоставлении ему политического убежища бельгийское министерство иностранных дел официально уведомило советское посольство, которое добивалось свидания с Афанасьевым, несмотря на его категорический отказ встретиться с кем-либо из советских дипломатов. Поэтому его имя можно поставить в один ряд с именами виолончелиста Мстислава Растроповича и его жены сопрано Большого Театра Галины Николаевны Вишневецкой, которые последовали на свободный Запад вслед за их другом Солженицыным.

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

Зарубежная Жизнь

КАМПАНИЯ ПРОТИВ УПРАЗДНЕНИЯ МОНАРХИЧЕСКОГО ГИМНА

Народно-Монархическое Движение при деятельном участии местной русской общественности, совместно с лигой ветеранов войны, союза австралийских женщин и другими национально-патриотическими организациями проводит в настоящее время кампанию против упразднения национального гимна «Боже храни королеву».

Основанием для этой кампании является тот факт, что нынешнее правительство рабочей партии, то есть социалисты, упразднило этот гимн без плебисцита и этим самым нарушило основные законы австралийской федерации.

Характерно то, что это правительство признало королевой Австралии ее величество королеву Елизавету 2-ю вскоре после прихода к власти.

ВЫСТАВКА РЕПРОДУКЦИЙ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

Мельбурнский отдел Народно-Монархического Движения сообщает, что по случаю очередного дня русской культуры, 28-го июля 1974 года, в приходском зале Свято-покровского собора города Мельбурна состоится выставка «репродукций русских художников».

На выставке будут представлены экспонаты из картин и рисунков Репина, Васнецова, Верещагина, Штейна, Шелумова, Кузнецова, Архипова и других художников.

ряли: я вам говорил — недавние события, предреволюционные и революционные, у нас как провалились: сожжены документы, убиты свидетели, живые молчат. Я вообще восстанавливал правду, всякую правду о своей стране, прежде всего для своих. Я многие годы писал без всякой надежды напечататься. Если бы не было чуда с «Иваном Денисовичем», это просто чудо, что Твардовский мог убедить Хрущева напечатать «Ивана Денисовича», я представлял свою жизнь так: буду писать до самой смерти, вот так вот, все напишу, и умру. И тогда все это опубликуют. А благодаря «Ивану Денисовичу»...

Значит, можно сказать, что поскольку Ваши работы опубликованы при Вашей жизни, — то Вы — продукт хрущевского времени?

Продуктом Хрущева меня назвать никак нельзя, потому что я писал независимо от его реформ, задолго до них, и писал в своих основных произведениях совсем не то, что Хрущев хотел бы. Да, волей Хрущева и стараниями Твардовского случилось так, что меня напечатали. Но если бы Хрущев сам знал, что он делает, когда он меня печатал, и если бы остальные члены ЦК это знали, — никогда б они меня не напечатали. В этом состоит система наша. Система советская, ну, я исправляюсь, восточно-европейская, китайская, — она не терпит правды нисколько, вот маленькая капелька правды «Иван Денисович», это — маленькая капелька, разве это вся

правда? — А сколько она имеет последствий! Например, «Архипелаг» появился как следствие «Ивана Денисовича», — почему? Потому что еще до «Ивана Денисовича» я задумал «Архипелаг», я чувствовал, что нужна такая систематическая вещь, общий план всего того, что было, и во времени, как это произошло. Но моего личного опыта, сколько я ни расспрашивал о лагерях, все судьбы, все эпизоды, все истории, и опыта моих товарищей было мало для такой вещи. А когда напечатался «Иван Денисович», то со всей Россией как взорвались письма ко мне, и в письмах люди писали, ЧТО они пережили, ЧТО у кого было. Или настаивали встретиться со мной и рассказать, и я стал встречаться. Все просили меня, автора первой лагерной повести, писать еще, еще, описать весь этот лагерный мир. Они не знали моего замысла и не знали, сколько у меня уже написано, но несли и несли мне недостающий материал. Вот так и составились показания 227 свидетелей этих. И я понял, что замысел мой был верен. И вот ложится на меня святой долг выполнить это. Да если бы Хрущев думал и знал, что я напишу такой «Архипелаг», что я уже пишу историю революции, да он бы не напечатал бы «Ивана Денисовича». Хрущев действовал совершенно бессознательно, ему нужен был «Иван Денисович» в тот момент, когда с Китаем он спорил, о Сталине. Еще долго будут в Кремле подсчитывать — не подсчитают, сколько последствий от этого ничтожного эпизода.

† 14-го июля с. г. скоропостижно скончался в Буэнос Айресе

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ КОВАЛЕВ,

о чем извещают друзья покойного

Отпевание состоится в 15 часов во вторник 16-го июля в Св.-Сергиевской церкви (Villa Ballester, Falucho 854), после чего состоится погребение на кладбище Chacarita.

† 25 июля с. г. в годовщину смерти

ПРОТОПРЕСВИТЕРА о. ТИМОФЕЯ СОИНА

в храме Святого Владимира ((Villa Ballester, San Martín 344) в 19,30 часов будет отслужена панихида,

о чем сообщают дочь, зять внуки и правнуки

† Панихиды в 40-й день кончины представителя Народно-Монархического Движения в штате Квинслэнд-Брисбен

МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА ХАТЛОВА

были отслужены 24-го и 26-го мая с. г. в храмах Австралийско-Новозеландской епархии русской православной зарубежной Церкви,

о чем сообщает Российское Народно-Монархическое Движение в Австралии

БИБЛИОГРАФИЯ

Н. Н. Н. «На фронте 1941 года и в плену» (Воспоминания врача), Буэнос Айрес 1974 год. 76 страниц.

Воспоминания рядовых участников и свидетелей крупных катаклизмов несомненно представляют интерес для читателя и историка. Но этот интерес чрезвычайно снижается, когда автор хоронит свои воспоминания под псевдонимом, или — еще хуже — под безличными инициалами. Ценность свидетельства теряется под анонимом.

В «Предварительных замечаниях» автор — подсоветский мобилизованный врач говорит, что о последней войне «написано очень много. Но то, что написано со стороны русских — это почти всё написано советскими авторами, которые, как известно, соответственно очень твердым идеологическим установкам, описывают различные ситуации и различных людей не такими, какими они действительно были. Поэтому вся эта литература, по своему характеру, больше напоминает «жития святых», а не объек-

тивное отражение действительности».

Здесь необходимо напомнить автору, очевидно считающему, что «Жития святых» не являлись «объективным отражением действительности», труд крупнейшего русского историка В. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» (Москва, 1871 год. Недавно переизданный на Западе.)

Для В. Ключевского «жития святых» именно объективно отражали действительность.

Анонимный автор утверждает, что его воспоминания написаны «без всякой, мягко выражаясь, художественной, или идеологической обработки» и дают «истинную картину тех ситуаций, с которыми я встречался, какие я лично переживал».

В книжке — написанной живо, интересно и хорошим языком, а потому легко читающейся — описан выезд на фронт, будни в медсанбате, жизнь в полку, разгром полка, окружение, плен, лагерь военнопленных.

Рассказ прерывается главой «Лето 1942 года», ко автор не теряет надежды когда-нибудь продлить его и на последующие годы войны.

Б. ГАСАН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Л. Л. НИКОЛАЕВСКИЙ

Нам пишут из Сан Франциско:

После долгой и тяжелой болезни здесь скончался политический и общественный деятель Лев Львович Николаевский.

Покойный был одним из первых русских военных летчиков. В 1916 году он был командирован из России во Францию в составе русского экспедиционного корпуса, участвовавшего в войне с Германией на французском фронте. После расформирования этого корпуса в 1917 году, он остался во Франции в составе продолжившей борьбу с Германией особой русской дивизии, а затем прослужил пять лет во Французском Иностранном Легионе, из которого был уволен в отставку в чине капитана, а позже, уже будучи в отставке, произведен в чины майора и подполковника. Кроме русских боевых орденов, он был награжден французским орденом Военного Креста.

Переселившись из Франции в Соединенные Штаты, покойный и его жена Н. В. Аничкова основали в Сан Франциско торгово-промышленное предприятие, создавшее им значительное состояние и предоставившее заработок многим русским эмигрантам.

Возглавляя это предприятие, Л. Л. Николаевский принял живое участие в русской политической и общественной жизни. Он был председателем Федерации русских благотворительных организаций в Соединенных Штатах и одним из вице-председателей Представительства российских эмигрантов в Америке. Не порывая связи с Францией, он был председателем Объединения ветеранов Иностранного Легиона в Америке и в 1961 году награжден офицерским крестом французского ордена Почетного Легиона.

Участвуя в жизни русской эмиграции, Л. Л. Николаевский был первым русским деятелем в Соединенных Штатах, отдавшим себе отчет в необходимости объединения русских граждан страны. Став членом совета этнических групп при национальном комитете Республиканской партии, он в течение многих лет противодействовал проявлявшимся в Соединенных Штатах русофобским тенденциям и, в частности, вел последовательную и упорную борьбу с русофобской кампанией профессора Л. Е. Добрянского и других анти-русских шовинистов. В этой части своей деятельности он не смог опереться на поддержку сколько-нибудь широких русских кругов и был в ней одинок, но именно он был предшественником основанного в прошлом году Конгресса русских американцев.

В пятидесятых и шестидесятых годах Л. Л. Николаевский был, вероятно, единственным русским деятелем в Соединенных Штатах, к голосу которого прислушивались Белый Дом, Государственный департамент и Республиканская партия, членом которой он состоял.

ЭМИГРАЦИЯ ИЗ СССР

Нам пишут из Нью Йорка:

По сведениям «Нью Йорк Таймс» государственный секретарь (министр иностранных дел) Соединенных Штатов Киссинджер сообщил некоторым сенаторам, что Советский Союз согласился письменно подтвердить свое обязательство разрешить ежегодную эмиграцию 45 тысяч евреев из СССР. Кроме того, советские представители сообщили Киссинджеру, что СССР прекратит «придирки» к желающим эмигрировать евреям, так как «такое отношение к советским

ЕПИСКОП САВВА ЭДМОНТОНСКИЙ

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА СМЕРТИ *)

Первая годовщина смерти дорогого нашего Владыки Саввы, в день памяти преподобного Антония Великого 17/30 января, в этом году была в среду и в Свято-Покровской Обители, где возле бревенчатой скитской церквушки и кладбищенской околлицы красуется скромная милая сердцу могила Владыки, погода стояла морозная, 40 градусов ниже нуля. Вокруг сугробы снега, хотя и чистят часто дорогу, но через день-два опять все занесено. И стоит, дремлет в недоступной белой пустыни наш дивный древне-русский бревенчатый Иосафовский скит. Возле храма, вблизи могилки — «Владимирская Горка» — это насыпь сделанная самим основателем скита, Владыкой Иосафом, духовным сыном которого был покойный Владыка Савва. По случаю особых сугробов, никто не смог проникнуть в скит в день кончины на преподобного Антония Великого, и никто заветной скитской тишины не нарушил.

Но в кафедральном Свято-Владимирском соборе в Эдмонтоне, несмотря на 25-градусный мороз, много народу собралось на панихиду. В ближайшее же воскресенье собралось в храм необычно много молящихся почтить Владыку, а после богослужения были устроены поминки прекрасным обедом в память дорогого архипастыря. Было тепло, уютно и радостно на душе.

Память о Владыке Савве никогда не предается забвению теми, кому дорог идеал Святой Руси. Ибо он, как почти никто другой, был в набат о необходимости, к р а й н е й нужды духовного перерождения самих же православных. Сразу после своей хиротонии Владыка обратил на себя внимание замечательными статьями, зовущими к духовному обновлению, столь необходимому нам,

*) Несмотря на опоздание, с которым получена нами эта статья мы ее помещаем в память одного из наиболее праведных людей нашего века. (Ред.)

гражданам противоречит законам». Взамен Советский Союз хочет добиться отмены американского Конгресса от так называемой «поправки Джэксона» к законопроекту о торговом договоре между Соединенными Штатами и СССР. Эта поправка, как известно, требует отклонения ратификации этого договора, если СССР не согласится на неограниченную эмиграцию евреев.

В информации «Нью Йорк Таймс» не сказано, кто именно сообщил Киссинджеру готовность СССР согласиться на выезд 45 тысяч евреев ежегодно, но, повидному, это было сделано Громыхой, который в последнее время дважды встретился с Киссинджером — на Кипре и в Дамаске.

По словам «Нью Йорк Таймс», Киссинджер сообщил полученные им из советского источника предложения автору поправки к Законопроекту о ратификации торгового договора с СССР, сенатору Генри М. Джэксону, главному представителю еврейских интересов в Конгрессе, и двум сенаторам-евреям — Джекому К. Джэвицу и Абраму Рыбикову, которые назвали указавшую Киссинджером цифру в 45 тысяч человек недостаточной и выразили пожелание о том, чтобы, в первую очередь, было увеличено число московских, ленинградских и киевских евреев, эмигрирующих из СССР, которым эмиграция, по словам упомянутых сенаторов, была особенно затруднена.

Полученная «Нашей Страной» из Нью Йорка информация указывает на то, что, в переговорах с СССР, Соединенные Штаты добиваются не столько общего благоприятного для всех граждан СССР разрешения вопроса о праве на эмиграцию из страны, сколько исключительной привилегии для советских евреев.

Эта политика Соединенных Штатов

живущим в сытой Америке. Статьи его в «Православной Руси» были пересыпаны святоотеческими изречениями, которыми он весьма умело подтверждал правильность своего православного мировоззрения и очень вдохновлял к жизни иной, отличной от мира сего, куда мы все ежедневно все глубже всасываемся. Им он взбудораживал нас и привлекал к истинному источнику премудрости, к святоотеческой литературе.

Его попытки влить новую жизнь в наши эмигрантские будни, посредством создания братств духовного обновления, не привелись по приходам, не появилось что-то наглядное, бросающееся в глаза. Но дело они сделали, и большое, но внешнему глазу не видное. Его пламенный зов молиться за многострадальную Русь, и его статьи, свидетельствующие о явной святости великого пастыря наших дней, Владыки Иоанна Максимовича, тронули многих, проникая глубоко в душу православных, и там, в душах сокрушающихся о своих грехах, творили свое дело. Этого достиг он будучи сам перерожденным, и перерожденным святоотеческим духом истинно-православия.

Мы, молодое поколение, глубоко ему благодарны за то, что он потрудился указывать нам на мудрость святых отцов, откуда черпать ответы по одному или другому жизненному вопросу. Мы глубоко ему благодарны и за всегда живое радостное настроение, которое легко передавалось как на непосредственно окружающих его, так и на слушающих и читающих его слово. Мы глубоко благодарны еще и его авве, архиепископу Леонтию Чилийскому, его постригавшему в монахи, этому исповеднику во время лютых гонений на Святую Церковь в Советском Союзе. И, конечно, благодарны мы Владыке Савве, пожалуй больше всего, за его пламенную, зажигающую любовь к святителю Иоанну Максимовичу.

Братство преподобного Германа

объясняется — с необходимостью — американским евреям, их очень значительным влиянием на американскую политическую жизнь и их очень большими финансовыми и экономическими возможностями.

«Наша Страна» полагает, однако, что такое выделение советских евреев в особую, привилегированную часть населения СССР будет способствовать возникновению в России того антисемитизма, в котором некоторые евреи теперь несправедливо обвиняют русский народ, забывая, что в годы Второй мировой войны антиеврейская пропаганда германских национал-социалистов не вызвала в России никакого отклика.

А. Д. САХАРОВ

Нам пишут из Нью Йорка:

Выходящий в Нью Йорке ежемесячный журнал «Сатердэй Ревью Ворлд Магазин» сообщил, что академик А. Д. Сахаров по телефону из Москвы продиктовал редакции этого журнала статью из 4 тысяч слов, которая будет опубликована в августовском номере.

АРЕСТЫ В СССР

Нам пишут из Нью Йорка:

По сведениям, сообщенным московским корреспондентом «Нью Йорк Таймс» Христофером С. Вреном, приезде президента Никсона в СССР предшествовали многочисленные аресты так называемых еврейских активистов, сторонников эмиграции советских евреев в Израиль.

В Москве было арестовано около 30 человек. Другие аресты были произведены в разных городах. Целью их было предотвращение демонстраций против

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontología
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
(говорит по-русски)
Специальное лечение корней зубов.
Бор-машина Ultrasonico.
Искусственные зубы.
Рентгеновские снимки.
Прием ежедневно от 14 до 20 час.
Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital
Т. Е. 88 - 3605

НАША СТРАНА

**ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**
Издатель-Редактор
Т. В. ДУБРОВСКАЯ
Со-Редактор
Н. Л. КАЗАНЦЕВ

Статьи, подписанные фамилией или инициалами, не обязательно всегда полностью выражают мнение редакции. Редакция не отвечает за содержание публикуемых объявлений, сообщений и иных документов, исходящих от учреждений или частных лиц. Редакция не возвращает присланные ей материалы.
Телефон Редакции: 52-7426.

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Doctora

А. В. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ
Eradoncia — лечение корней зубов,
технические работы, рентгеновские
снимки, бор-машина ultra-sonico.
Прием по предварительной записи.
Понед., вторник, четверг и пятница
от 15 до 20 час.
Т. Е. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A
Один квартал от подземной жел. дор.
Angel Gallardo по улице Corrientes.

ХОЧУ КУПИТЬ УЧАСТОК В

Córdoba, Alizacate, Villa Descanso.

Sr. Semen Oszurkiewicz
Lavoisier 3125, Capital.

соглашения между Соединенными Штатами и Советским Союзом, по которому, по полученной советскими евреями информации, СССР обязался допустить эмиграцию 45 тысяч евреев ежегодно.

Московский врач, еврейка Мария Слепак, объяснила иностранным корреспондентам, что профессионально образованные советские евреи протестуют против этого соглашения потому, что «советская власть легко может позволить эмиграцию 45 тысяч грузинских, дагестанских или бухарских евреев», но одновременно запретить эмиграцию евреев московских, киевских или кишиневских. В столице СССР в настоящее время проживают около 500 тысяч евреев.

Были арестованы, в частности, кибернетик Виктор Брауловский, физик Марк Азбель и физик Александр Воронель, которые пытались приурочить к пребыванию Никсона в СССР симпозиум с участием иностранных ученых и поднять на этом симпозиуме вопрос об эмиграции евреев из Советского Союза.

В Москве были также арестованы инженер Владимир Слепак, математик Александр Лунц, кибернетик Александр Лернер, физик Виктор Польский, профессор Димитрий Рам, инженер Юрий Качаровский, инженер Леонид Коган и Михаил Гольдблат.

В Кишиневе были арестованы 16 евреев. Другие аресты состоялись в Ленинграде, Киеве, Одессе и Виннице. Спикер Виталий Рубин, которому отказано в выездной визе з СССР, был предупрежден о том, что участники предположенного в Москве симпозиума с участием иностранцев могут быть привлечены к ответственности, в случае приведения в исполнение, к ответственности по обвинению в государственном измене.

А. Э. ЛЕВИТИН

Нам пишут из Нью Йорка:

Секретариат первонерарха получившей автокефалию от Москвы американской Церкви, митрополита Иринея, сообщил газетам, что советские учреждения отказали в выездной визе освобожденному в 1973 году из заключения в лагере А. Э. Левитину, автору распространяемых самиздатом и опубликованных на Западе статей на церковные темы, подписанных как его именем, так и псевдонимом Краснов.

А. Э. Левитин был приглашен в Соединенные Штаты принадлежащим к американской Церкви архиепископом Иоанном (Шаховским).

ЗУБНОЙ ВРАЧ
DOCTORA
ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА
ШПАКОВСКАЯ-ПИССОРНО
ODONTOLOGA
(говорит по-русски)
Специальное лечение корней зубов
Бор-машина Ultrasonico
Искусственные зубы
Рентгеновские снимки
Прием: понедельник, вторник и
пятница с 15 до 21 часа.
Суббота — с 14 до 18 часов
Mendoza 1857 (entre España y Roca).
San Miguel. Prov. Bs. As.

Доктор
ДМИТРИЙ ПОЛЯКОВ
ПО ВНУТРЕННИМ БОЛЕЗНЯМ
принимает: вторник и четверг
от 15 до 19 час.
остальные дни: заказывать часы.
Pueyrredón 443, Villa Ballester
четыре квартала от станции.
Т. Е. 768 - 5113